

ПРАВО НА ИМЯ

Белла Байс

Белла Вайс

Право на имя

«Литнет»

2026

Вайс Б.

Право на имя / Б. Вайс — «Литнет», 2026

Десять лет Виолетта строила модную империю, вложив в бренд «Violet & Co» свою душу и талант. Но один росчерк пера превратил её из владелицы в изгоя: партнёр по бизнесу, которому она доверяла как себе, хладнокровно отобрал всё. Оставшись с разбитыми мечтами и пустыми карманами, Виолетта решает начать с нуля. Это история о сокрушительном предательстве, изящной мести и о том, что настоящую страсть и талант невозможно украсть. Когда старый мир рушится, на его обломках рождается нечто более прочное — новая жизнь и любовь, которая не продаётся. В тексте есть: - сильная героиня, - харизматичный герой, - мир моды, - предательство и месть, - всё "с нуля";

© Вайс Б., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог. Линии на листе	5
Глава 1. Иллюзия триумфа	7
Глава 2. Холодный душ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пролог. Линии на листе

Свет настольной лампы выхватывал из темноты поверхность письменного стола, край стеллажа и стул. Мне было четырнадцать, и весь мой мир в тот момент сузился до кончика остро заточенного карандаша и чистого листа в большом альбоме с тисненой обложкой — моей главной драгоценности.

Я рисовала вечернее платье. Это был каскад ломаных линий, переходящий в струящийся шлейф, напоминающий оперение диковинной птицы. Я затаила дыхание, нанося тени на изгиб воображаемой ткани, когда тишину квартиры разрезал резкий голос отца, донёсшийся из соседней комнаты.

— Опять она рисует? Физику сделала? — в его словах звенело раздражение.

— Лена, посмотри на вещи трезво. Жизнь — это не картинки из журналов. Ей нужно получать нормальную профессию. Экономист, юрист, программист... Что-то, что прокормит ее в нестабильной экономике. А это? Пустая трата времени и сил.

— Игорь, ну почему ты такой упёртый? — голос матери был тихим, но в нем чувствовалась стальная нотка защиты.

— Посмотри, как она рисует! С пяти лет она шьет куклам наряды из своей старой одежды. У девочки дар, она с детства живет этим. Она хочет придумывать модели, создавать красоту. Разве это плохая мечта?

— Мечта не оплатит счет за электричество, — отрезал отец.

— Модельеры — это небожители из Парижа, а мы живем здесь. Пусть берется за ум, пока не поздно.

Я крепче сжала карандаш. Грифель хрустнул, оставляя на бумаге жирную, некрасивую черту поперек изящного силуэта. Слезы жгли глаза, но я не позволила им упасть на эскиз. В тот вечер, в своей маленькой комнате под звуки родительской ссоры, я дала себе клятву: я заставлю отца признать, что мои «тряпки» — это и есть моя жизнь. Успешная жизнь. И что я дотянусь до Парижа, чего бы мне это ни стоило.

Шли годы, тот вечер стал для меня точкой отсчета. В школе на уроках математики я рисовала на полях тетрадей эскизы воротников, а по ночам, когда родители засыпали, долго лежала без сна, придумывая наряды достойные, на мой взгляд, парижской недели моды.

Когда пришло время поступать разразился скандал такой силы, что, по сравнению с ним шторм был легким ветерком. Отец положил на стол буклет престижного экономического вуза, но я, дрожа от страха, но не отступая, показала ему рекламу колледжа дизайна.

— Если ты переступишь порог этого «швейного училища», забудь дорогу в наш дом, — его голос был тихим, и от этого более страшным.

— Я не буду оплачивать твои капризы и смотреть, как ты губишь свою жизнь.

Я ушла. С одним чемоданом, старым альбомом и абсолютной пустотой в карманах. Мы жили в столице, и тогда я не до конца понимала, как мне повезло. Если бы мы жили в провинциальном городе, где до ближайшего колледжа дизайна — сотни километров, я бы, наверное, сломалась под гнетом отцовского авторитета. Там у меня просто не было бы выбора. Я бы пошла в местный экономический или поехала бы поступать в тот ВУЗ, что выбрал отец. Мои эскизы так и остались бы пылиться в ящике стола. Но Москва давала шанс. Здесь были закрытые показы, на которые можно было пробраться зайцем, и тысячи кофеен, где требовались официантки на ночные смены. Город миллиона возможностей, и я знала, что смогу спрятаться от отцовского гнева и стать заметной для всего мира. Москва не прощала слабости, но она открывала двери тем, кто готов был громко в них стучаться.

Студенческие годы превратились в бесконечный марафон выживания. Днем — лекции по истории костюма и материаловедению, а ночью — подработки официанткой в ночных клу-

бах, чтобы наскрести на метр качественного шелка для курсовой работы. Мои пальцы вечно были исколоты иглами, а глаза красными от бессонницы, но, когда я видела, как под моими руками бесформенный кусок ткани превращается в изящный силуэт, я знала: я делаю то, что люблю, я на своем месте.

Отец сдержал слово. Семь лет тишины. Семь лет, в течение которых мама тайком звонила мне, и мы встречались с ней в кафе, магазинах, просто на улице, но не дома. Он не пришел на мой выпускной, не поздравил с первой маленькой победой на региональном конкурсе молодых дизайнеров. Для него я была «портнихой», опозорившей семейные традиции. И только Артур, встретившийся мне на последнем курсе, тогда казался тем единственным, кто верил в меня больше, чем мой родной отец.

Дорогие читатели! Спасибо, что открыли мою новую историю.

Она написана в рамках литмоба

"Москва - Санкт-Петербург. Ложь в большом городе"

Другие истории лимоба по ссылке:

<https://litnet.com/shrt/KkFS>

Глава 1. Иллюзия триумфа

Я стояла в гримерной. Через десять минут должен был начаться показ новой коллекции. — Виолетта Игоревна, пора, — проговорила помощница.

Я закрыла глаза, медленно выдохнула, чтобы успокоиться. «Слышишь, пап?» — пронеслось у меня в голове. «Я всё-таки смогла. Я стала той, кем хотела. И сегодня день моего триумфа».

Я еще не знала, что очень скоро меня «ударит» человек, которому я безоговорочно верила. Но в ту минуту я чувствовала себя абсолютно счастливой. Моя мечта выросла и обрела имя.

На подиум вышла модель в платье «Стеклянный дождь». Это был самый сложный наряд из полупрозрачного серебристого шелка, на который вручную были нашиты тысячи бусинок. При каждом движении они издавали едва уловимый хрустальный звон. Глубокое декольте до талии удерживалось невидимой сеткой, а шлейф длиной в три метра тянулся за девушкой, словно расколотые льды за ледоколом. Это платье было воплощением моей тогдашней веры в неизбежность успеха — ослепительное, дорогое и крайне хрупкое.

Это был успех. Мой успех. Десять лет. Три тысячи шестьсот пятьдесят дней я шла к этой минуте, рисуя эскиз за эскизом, кроя и перекраивая, споря до хрипоты с поставщиками и засыпая на рулонах ткани в мастерской.

Воздух за кулисами был перенасыщен нервозностью и запахом лака для волос. Пространство, заставленное рейлами с одеждой, напоминало внутренности гигантского склада супермаркета. Слышался приглушенный гул толпы из зала, похожий на шум прибора перед штормом. Вдоль стен на высоких табуретах застыли модели — длинноногие, хрупкие, со смелым мейкапом.

— Виола, твой выход! — коротко бросил в наушник режиссер показа.

Я взглянула на свое отражение в высоком зеркале. Поправила складку на своем безупречном платье из последней коллекции «Violet & Co» и сделала глубокий вдох. В тридцать пять я выглядела именно так, как хотела — как женщина, которая сама сделала себя. У меня было лицо с тонкими, почти аристократическими чертами: высокая линия скул, прямой нос и глаза цвета крепкого кофе, в которых вечно горел огонь нетерпения. Мои волосы, цвета спелого каштана, были подстрижены в безупречное каре — волосок к волоску, символ моего контроля над жизнью. Я была высокой и сухощавой, с осанкой балерины, и даже в минуты слабости мой подбородок оставался гордо поднятым.

Мое сердце билось в такт пульсирующему такту финального трека. Это был не обычный рядовой показ, а юбилей. Десять лет нашему детищу.

Я вышла на подиум. Овации обрушились на меня, словно океанская волна. Вспышки камер превращали реальность в серию ярких кадров. Свет софитов слепил глаза, превращая пространство зала в колышущееся море из золотых искр и размытых лиц.

Рядом со мной шел Артур, воплощение мужского глянца. Он был красив той хищной, породистой красотой, которая заставляет женщин оборачиваться. Идеально уложенные темно-русые волосы, безупречно выбритое лицо и светлые, почти прозрачно-голубые глаза, которые могли казаться теплыми, а через секунду — ледяными. У него была манера двигаться плавно и бесшумно, как у кота. Его обманчиво мягкая улыбка всегда обнажала идеально ровные зубы. Он был моим неизменным партнером, моим соратником, человеком, которого я считала своей правой рукой и, пожалуй, единственным другом в этом «террариуме высокой моды». Он взял меня за руку, высоко подняв ее вверх, и я почувствовала тепло его ладони.

— Мы сделали это, Вилка, — прошептал он мне на ухо, используя старое прозвище, которое знал только он.

— Весь мир у наших ног.

В тот момент я верила ему безоговорочно. Мы прошли через всё: через первые заказы с полупустым залом, экономию, когда у нас не было денег на нормальную фурнитуру, через кризисы, когда наши магазины стояли пустыми, через суды с подражателями. И вот теперь — обложки «Vogue», бутики в Париже и Милане, и этот оглушительный триумф.

После дефиле началось афтепати в пентхаусе одного из лучших отелей Москвы. Я кружилась в вихре поздравлений. Шампанское лилось рекой, ко мне подходили инвесторы, байеры, знаменитости. Каждый хотел прикоснуться к «королеве минимализма», как окрестили меня критики. Но я искала глазами только Артура.

Я нашла его у панорамного окна. Он смотрел на ночной город, и в отражении стекла его лицо казалось странно застывшим, почти маской.

— Устала? — спросил он, протягивая мне бокал «Bollinger».

— Счастлива, Артур. Просто зашкаливающее чувство, — я сделала глоток, чувствуя, как холодные пузырьки приятно покалывают небо.

— Десять лет. Помнишь наш первый офис в подвале на окраине Москвы?

— Помню, — он слегка усмехнулся.

— Но пора двигаться дальше, Виолетта. Нам тесно в этой скорлупе. Сегодня я говорил с представителями азиатского фонда. Они готовы влить в нас такие средства, о которых мы и не мечтали. Но нужно уладить формальности. Юридическая структура «Violet & Co» слишком архаична для международного холдинга.

— Опять бумаги? — я поморщилась.

Цифры и юридические тонкости всегда были зоной ответственности Артура. Я отвечала за творчество, за представление бренда, за каждую строчку на каждом платье.

— Мы же договорились обсудить это после показа.

— Завтра утром они улетают. Нужно подписать протокол о намерениях и документы по реструктуризации до их рейса. Это чистая формальность, перевод долей в новую управляющую компанию, чтобы упростить вход инвестиций.

Артур достал из папки тонкую стопку документов. В тусклом свете буквы расплывались перед глазами. Я доверяла ему так же, как доверяла собственным рукам. Он был моим тылом. По крайней мере, я так думала.

— Где подписать? — спросила я, ставя пустой бокал на столик.

— Здесь, здесь и на последней странице, — он услужливо подал ручку.

Тяжелое золотое перо скользнуло по бумаге, оставляя мой размашистый росчерк.

— Вот и всё. Новая эра «Violet & Co» началась.

— За новую эру? — улыбнулась я.

— За конец старой, — ответил он тихим, странным голосом.

Той ночью я спала как убитая. Мне снились бесконечные белые коридоры, завешанные моими эскизами, и тихий шелест шелка. Я не знала, что это был последний раз, когда я спала спокойно. Я не знала, что моя подпись только что стерла десять лет моей жизни.

Утром я проснулась от предчувствия беды. Было слишком тихо. Обычно мой телефон разрывался от сообщений уже с восьми утра, но сейчас экран был пуст. Я списала это на вчерашнее торжество — мол, все отсыпается.

Выпив крепкий кофе, я оделась в своем любимом стиле: строгие брюки, кашемировый джемпер цвета слоновой кости. Я была готова к новому дню, к новым свершениям. Подъехав к офисному зданию, где у нас был целый этаж, я, как обычно, приложила магнитный пропуск к считывателю у входа в лифт, ведущий на этаж руководства.

Раздался резкий, неприятный писк. Красный сигнал.

Я попробовала еще раз. Снова отказ.

— Наверное, размагнитился, — пробормотала я и подошла к стойке с менеджерами.

Охранник, который работал здесь уже три года и всегда расплывался в улыбке, завидев меня, сейчас смотрел в сторону. Его лицо было напряженным.

— Доброе утро, Степан. Что-то с пропуском, не пускает, — сказала я, стараясь сохранять дружелюбный тон.

— Виолетта Игоревна... — он замялся, не поднимая глаз.

— Мне очень жаль, но у меня распоряжение. Ваш доступ заблокирован.

— Что? Кем? Это ошибка, позовите начальника службы безопасности.

— Распоряжение поступило от генерального директора. От Артура Викторовича. Лично.

Холод начал медленно заползать мне под джемпер. Артур? Заблокировал меня? Может быть, это какая-то глупая шутка? Сюрприз в честь юбилея? Но взгляд Степана не обещал никаких сюрпризов, кроме плохих.

В этот момент двери лифта открылись, и в холл вышел Артур. Он выглядел безупречно — свежий, в новом костюме, окруженный аурой власти, которую я всегда помогала ему поддерживать. Но взгляд его был другим. Колючим. Чужим.

— Артур! Что за глупости здесь происходят? — я шагнула к нему.

— Степан говорит, что ты...

— Степан выполняет свою работу, — перебил он меня, даже не замедлив шаг.

Он остановился в двух метрах от меня, словно между нами выросла невидимая стена.

— Виолетта, я надеялся, что ты не придешь сегодня так рано. Я велел курьеру доставить тебе уведомление на дом к одиннадцати.

— Уведомление о чем? О чем ты говоришь?

— О том, что ты больше не являешься сотрудником или совладельцем «Violet & Co». Вчера ты подписала документы о передаче своей доли моей офшорной компании в счет погашения убытков, которые ты нанесла фирме своей некомпетентностью в последние два квартала.

Мир вокруг меня пошатнулся. Я схватилась за край стойки, чтобы не упасть.

— Убытки? Какая некомпетентность? Артур, мы только вчера праздновали успех! Мы в прибыли!

— Это для прессы мы в прибыли, — он сделал шаг ближе и понизил голос до ядовитого шепота.

— А по документам, которые ты подписывала, не глядя, последние полгода, компания в глубоком минусе. И ты, как креативный директор, несешь за это личную ответственность. Я милостиво освободил тебя от долгов в обмен на твой выход из состава учредителей. Радуйся, что я не подаю на тебя в суд за растрату.

Я смотрела на него и не узнавала. Этот человек ел у меня дома, знал моих родителей, клялся в вечной верности нашему делу.

— Ты лжешь... — прошептала я.

— Ты всё подстроил. Те бумаги вчера...

— Вчера ты просто поставила финальную точку, — он равнодушно пожал плечами.

— Служба безопасности уже собрала твои личные вещи. Их привезут тебе на дом в коробке. Охрана, проводите Виолетту Игоревну. Ей здесь больше нечего делать.

— Артур, это моя компания! Я — Виолетта! Мое имя на вывеске! — сорвалась я на крик. Он обернулся уже у лифта, и на его губах заиграла тонкая, торжествующая усмешка.

— Было твоим, Виола. А теперь это просто бренд. И он принадлежит мне. А ты... ты просто наемный дизайнер, который не справился с обязанностями. Прощай.

Лифт закрылся. Я осталась стоять в пустом холле, посреди глянцевого блеска империи, которую я построила и которую у меня только что украли. Я задыхалась. Мне казалось, что воздух превратился в густой клейстер. Мои легкие отказывались принимать его. Вокруг кипела жизнь: курьеры с охапками цветов — поздравлениями после вчерашнего показа, спешащие

на работу менеджеры, стажеры с кофе. Все они проходили мимо, некоторые приветственно кивали мне, еще не зная, что я здесь — уже призрак.

— Виолетта Игоревна, пожалуйста... — негромко повторил Степан, охранник.

— Не делайте хуже. Мне приказано вызвать полицию, если вы будете препятствовать работе офиса.

— Полицию? — я горько усмехнулась.

— Вызови, Степа. Пусть посмотрят, как вышвыривают человека, который этот офис арендовал, когда здесь еще были голые бетонные стены.

Я развернулась и вышла на улицу. Резкий осенний ветер хлестнул меня по лицу, выбивая из глаз непрошеные слезы. Я шла к своей машине, припаркованной на моем именном месте, когда дорогу мне преградил белый эвакуатор. Рядом стоял молодой человек в форме лизинговой компании.

— Виолетта Игоревна? Автомобиль «Porsche Macan», госномер... — он сверился с планшето.

— Лизинговый договор расторгнут сегодня в восемь утра в связи с отзывом поручительства со стороны «Violet & Co». Мы обязаны изъять транспортное средство.

Я замерла, сжимая в кармане ключи, которые мгновенно стали бесполезным куском пластика и металла.

— Но платежи вносились вовремя! Я лично следила...

— Вопросы к плательщику, — равнодушно отозвался парень.

— У нас приказ на изъятие. Вещи забирать будете?

Я открыла машину. На заднем сиденье лежал мой любимый кашемировый плед и пара туфель для съемок. Я забрала их просто потому, что не хотела оставлять больше Артуру ни нитки. Эвакуатор затащил мою машину на платформу и уехал, оставив меня стоять на тротуаре с туфлями в руках. Прохожие оборачивались, узнавая лицо из вчерашних таблоидов, и в их взглядах я читала не сочувствие, а жадное любопытство.

Я вызвала такси. Руки дрожали так сильно, что я трижды вводила адрес неверно. Пока машина пробиралась сквозь пробки, я судорожно пыталась зайти в банковское приложение.

«Ошибка авторизации. Свяжитесь с банком».

Я набрала номер личного менеджера.

— Алло, Кристина? Это Виолетта. У меня проблемы с доступом к счету.

— Виолетта Игоревна, — голос девушки, которая раньше была предельно любезна, стал ледяным.

— Ваши личные счета заблокированы в рамках обеспечительных мер. Банк получил уведомление о том, что вы являетесь солидарным ответчиком по ряду корпоративных кредитов «Violet & Co», по которым допущен технический дефолт.

— Какой дефолт? Мы погасили все долги в прошлом месяце!

— У меня другие данные. Все счета под арестом до выяснения обстоятельств. Всего доброго.

Трубка запищала короткими гудками. Меня охватило отчаяние. Артур не просто уволил меня. Он решил стереть меня с лица земли. Он знал, что все мои личные средства были в обороте компании. Он знал, что я поручалась своей квартирой, своей машиной, чуть ли не самой своей жизнью за наше общее дело.

Когда такси остановилось у моего дома, я увидела у подъезда две большие картонные коробки. Они были небрежно заклеены скотчем. Сверху лежал мой диплом из лондонского колледжа моды — стекло рамки было разбито, трещина перечеркивала мое имя.

Я опустилась на колени прямо на асфальт перед этими коробками. Внутри было грудой свалено все: мои эскизы, блокноты с набросками новой коллекции, любимая кружка с отбитой ручкой, кактус в разбитом горшке. Земля высыпалась на мои аккуратные бежевые брюки.

В этот момент мой телефон ожил. Звонила мама.

— Виолочка, детка, тут какие-то люди... Они говорят, что дачу будут описывать. Спрашивают, где ты. Что происходит, доченька?

Я зажмурилась, пытаюсь сдержать крик. Артур знал, что дача записана на маму, но строилась на мои деньги, и он нашел способ вплести и ее в свои юридические паутины.

— Мам, всё хорошо. Это ошибка юристов, — я старалась, чтобы голос не дрожал.

— Просто закрой дверь и никому не открывай. Я сейчас приеду. Нет, подожди... я позвоню позже.

Я отключила телефон. Я не могла сейчас ехать к ней. Я должна была найти выход. Но какой? Все двери были заперты, все ключи — у человека, которого я считала своим братом, своей душой.

Я посмотрела на разбитый диплом. «Violet & Co». Десять лет. Каждая пуговица, каждый шов прошли через мое сердце. Артур всегда говорил, что он — это мозг компании, а я — ее душа. Что ж, кажется, мозг решил, что душа ему больше не нужна. Она слишком дорогая в обслуживании и требует слишком много честности.

Я достала из коробки свой старый блокнот, в котором были сделаны первые зарисовки еще в студенчестве. На последней странице был прикреплен лоскуток ткани — ярко-алый шелк. Цвет мести? Нет, тогда я думала, что это цвет страсти к жизни.

— Ты думаешь, ты победил, Артур? — прошептала я, поднимаясь с колен и вытирая грязь с ладоней.

— Ты забрал стены. Ты забрал счета. Ты даже забрал мое имя.

Я посмотрела на свое отражение в стекле двери. Растрепанная, с пятнами земли на одежде, но с глазами, в которых начал разгораться пожар.

— Но ты не забрал то, что внутри этой головы. А это стоит миллиарды.

Я подхватила коробки. Они были тяжелыми, неподъемными, как и всё мое прошлое, которое теперь нужно было куда-то деть. В этот момент к подъезду подъехал черный внедорожник. Окно медленно опустилось.

Я ожидала увидеть помощников Артура или приставов, но из машины на меня смотрел человек, которого я видела всего пару раз на бизнес-форумах. Максим Кольцов. Один из самых удачливых инвесторов в стране. Человек, который никогда не вкладывался в моду, считая ее «эмоциональной чепухой».

— Плохо выглядите, Виолетта Игоревна, — спокойно сказал он, оглядывая мои коробки и разбитый горшок с кактусом.

— До вчерашнего триумфа этот перформанс явно не дотягивает.

— Если вы приехали злорадствовать, Максим, то вы выбрали неудачное время, — огрызнулась я, пытаюсь удержать коробку, которая норовила выскользнуть из рук.

— Я никогда не трачу время на злорадство. Это невыгодно, — он открыл дверь и вышел из машины.

Высокий, подтянутый, в идеально сидящем темно-синем пальто.

— Я приехал предложить вам кофе. И, возможно, способ вернуть себе вашу «империю».

Я посмотрела на него с подозрением. Теперь, после ситуации с Артуром я ждала подвоха от каждого мужчины в костюме.

— С чего такая щедрость? Вы же считаете моду «чепухой».

— Моду — да. Но я ценю активы, которые стоят дешево из-за глупости их владельцев. Артур совершил ошибку. Он думает, что актив — это бренд. Я же знаю, что актив — это вы.

Он подошел и легко забрал у меня тяжелую коробку.

— Идемте, Виолетта. Нам есть, о чем поговорить. Но сначала — кофе. И вытрите лицо, у вас там земля.

Я машинально коснулась щеки. Внутри меня всё еще бушевал шторм, но где-то глубоко, под слоями боли и ярости, шевельнулось забытое чувство. Надежда? Или просто инстинкт выживания?

Завтра в офисе моей бывшей компании начнется суета, Артур будет раздавать интервью о том, как он «спас компанию от моей некомпетентности». Но он забыл одну вещь. Мода — это не только лекала и ткани. Это характер. И мой характер закалялся в таком огне, о котором он сам не имеет ни малейшего представления.

Дорогие читатели!

Вторую историю литмоба

"Москва - Санкт-Петербург. Ложь в большом городе"

вы найдете по ссылке:

<https://litnet.com/shrt/-nOC>

Глава 2. Холодный душ

Кофейня, в которую привез меня Максим, была максимально далека от ослепительного гламура моих привычных мест. Никаких позолоченных рам, бархатных диванов и официантов, знающих мой любимый сорт органического чая по названию плантации. Это было суровое заведение в переоборудованном индустриальном здании — бетонные стены, открытая проводка и тяжелый аромат свежееобжаренных зерен кофе.

Я сидела за грубым деревянным столом, чувствуя себя абсолютно неуместно в своей помятой одежде и грязными пятнами на брюках. Мои руки все еще мелко дрожали, и я прятала их под столом, сжимая влажную салфетку.

Максим поставил передо мной большую керамическую кружку с черным кофе. С сахаром. Без сливок.

— Пейте, Виолетта. Вам нужно прийти в себя. Адреналин скоро схлынет, и наступит откат.

Я сделала глоток. Горячая жидкость обожгла язык, заставляя мозг включиться.

— Вы следили за мной? — я подняла на него взгляд.

— Откуда вы узнали, что именно сегодня Артур решит... выставить меня?

Максим сел напротив, расстегнув пуговицы пальто. Его взгляд был прямым и холодным.

— В бизнесе нет места случайностям, Виолетта. Артур искал инвесторов последние полгода. Он приходил и ко мне. Предлагал долю в «Violet & Co», но при одном условии: полный операционный контроль переходит к нему, а ваше имя остается только на этикетке как «свадебного генерала».

У меня перехватило дыхание. Полгода? Он предавал меня шесть месяцев, пока я выбирала ткани для зимней коллекции и беспокоилась о его затяжных «командировках»?

— И что вы ответили? — мой голос прозвучал глухо.

— Я ответил, что мне не интересна компания, где «мозг» избавляется от «сердца». Без вашего видения «Violet & Co» превратится в масс-маркет среднего пошиба через три сезона. Артур — отличный манипулятор и неплохой администратор, но у него нет искры. А без искры в моде продавать нечего.

— Значит, вы знали, что он готовит захват? И не предупредили меня? — во мне закипела ярость.

— Вы смотрели, как я иду в ловушку!

— Мы не были знакомы настолько, чтобы я давал вам советы, — Максим оставался невозмутимым.

— К тому же, вы бы мне не поверили. Вы были ослеплены своим десятилетним партнерством. Вам нужно было коснуться дна, чтобы захотеть от него оттолкнуться.

Я хотела плеснуть ему кофе в лицо, но вовремя остановилась. Он был прав. Если бы полгода назад кто-то сказал мне, что Артур — вор и предатель, я бы рассмеялась этому человеку в лицо и выставила за дверь.

— Зачем я вам сейчас? — спросила я, стараясь говорить деловым тоном.

— У меня нет ничего. Мои счета арестованы, машина на штрафстоянке, квартира... боюсь, в ближайшие дни могу лишиться и ее. У меня даже последних эскизов нет, они остались в его сейфе.

— У вас есть репутация среди профессионалов и понимание рынка, — Максим подался вперед.

— Артур совершил классическую ошибку агрессора. Он забрал форму, но не содержание. Сейчас он начнет демпинговать, пытаться выжать из бренда максимум, пока он еще на слуху. Но он не сможет создать новое. А индустрия моды живет будущим.

— Вы предлагаете мне деньги? — я горько усмехнулась.

— После того, как меня только что растоптал «партнер»?

— Я предлагаю вам партнерство на моих условиях. Я даю вам инфраструктуру, юридическую защиту и бюджет на запуск новой линии под другим именем. Вы даете мне продукт, который уничтожит Артура на рынке.

— Месть — плохой мотиватор для бизнеса, — процитировала я чьи-то слова.

— Напротив. Месть в сочетании с талантом — самый мощный двигатель в истории, — Максим достал визитку и пододвинул ее ко мне.

— Послушайте, Виолетта. Сейчас вы поедете к своей матери. Успокойте ее. Мои юристы уже занимаются вопросом дачи — это незаконно, и мы это оспорим за пару дней. А завтра утром вы придете по этому адресу.

Я взяла карточку. Плотный картон, лаконичное «Кольцов и Партнеры».

— Почему вы это делаете, Максим? Вы не похожи на доброго самаритянина.

Он встал, давая понять, что разговор окончен.

— Я циник. Я ставлю на темную лошадку, когда все остальные ставят на фаворита. Артур переоценен. Вы недооценены. Разница — это моя прибыль.

Когда он ушел, оставив меня одну в этой кофейне, я долго сидела, глядя в окно. Мимо проходили женщины в пальто из моей прошлогодней коллекции. Они улыбались, поправляли шарфы, не подозревая, что создательница этих вещей только что лишилась права даже на фото собственных изделий в портфолио.

Я вызвала такси и поехала к маме. Весь путь я провела в телефоне, пытаясь дозвониться до наших общих с Артуром знакомых. Один за другим они сбрасывали звонки или отвечали дежурными фразами: «Вилочка, всё так сложно, давай созвонимся через месяц», «Мы слышали о твоих финансовых проблемах, извини, сейчас не время...».

Предательство Артура сработало как вирус: оно сделало меня «заразной». В мире моды неудачников не любят, а «воров», которыми меня выставил Артур — ненавидят.

Я откинулась на холодное кожаное сиденье такси и закрыла глаза. Перед внутренним взором, словно в замедленной съемке, всплыл вечер трехлетней давности. Мы тогда только открыли наш флагманский бутик, и Артур устроил закрытую вечеринку. Я зашла в его кабинет, чтобы забрать забытый эскиз, и замерла в дверях, став свидетелем сцены, которую тогда сочла «истерикой неуравновешенной женщины».

Там была Кристина — его тогдашняя пассия, тонкая, как тростинка, модель, которая казалась воплощением нежности. Но в тот вечер ее лицо было искажено гримасой ярости и боли. Она швырнула в Артура тяжелую хрустальную пепельницу, которая с грохотом разбилась о стену чуть-чуть разминувшись с его головой.

— Ты обещал, что это будет наше общее дело! — кричала она, ее голос срывался на ультразвук.

— Ты использовал мои деньги, мои связи в Лондоне, а теперь выставляешь меня за дверь без всего?!

Артур стоял у окна, поправляя манжеты, и в его взгляде было то самое ледяное спокойствие, которое я увидела в нем сегодня утром.

— Дорогая, ты просто эмоционально нестабильна, — произнес он своим бархатным, вкрадчивым голосом.

— Документы говорят сами за себя. Ты была лишь приглашенным консультантом. Иди домой, выспись.

Заметив меня в дверях, Кристина осеклась. Ее глаза, в которых стояли слезы, встретились с моими. Она подошла ко мне вплотную — от нее пахло дорогим парфюмом известной французской марки. Артур попытался перехватить ее, но она оттолкнула его руку.

— Виолетта, — прошептала она, и в ее голосе было столько горечи, что у меня по спине пробежали мурашки.

— Ты думаешь, ты особенная? Ты думаешь, твой талант защитит тебя? Ты для него — всего лишь ступенька. Сегодня он растоптал меня, а завтра, когда ты принесешь ему всё золото мира, он обманет и тебя. Запомни мои слова: он не умеет созидать, он умеет только присваивать.

Я тогда лишь поджала губы, считая, что Артур просто расстается с очередной «охотницей за его состоянием». Я даже защищала его, успокаивала, когда она ушла. Как же слепа я была! Кристина пыталась меня предупредить, кричала мне в лицо правду, а я предпочла верить в нашу «великую дружбу» и «общие идеалы».

Теперь, спустя три года, я сидела в такси, лишённая всего, и те слова Кристины эхом отдавались в моей голове. Он не просто обманул меня. Он сделал это ровно по той же схеме, сценарий которой был написан задолго до моего краха. Разница была лишь в том, что я была для него самой крупной добычей.

Мама встретила меня на пороге своей маленькой квартиры в пригороде. Она выглядела постаревшей на десять лет за одно утро.

— Виола, они сказали... они сказали, что ты украла деньги из компании. Что это за люди были, доченька? В черных костюмах, с какими-то постановлениями...

Я обняла ее, вдыхая знакомый запах лаванды и выпечки. Единственное место на земле, где я всё ещё была в безопасности.

— Это ложь, мам. Просто грязная игра. Артур хочет забрать бизнес себе, вот и пугает нас. Никто не заберет твою дачу, я обещаю.

Я уложила ее спать, напоив успокаивающим чаем, а сама села на кухне. Передо мной лежал разбитый диплом. Я смотрела на трещину в стекле. Она делила мою жизнь на «до» и «после».

У меня не было времени на рыдания. Я достала лист бумаги и начала писать список. Список тех, кто может мне помочь, а не список обид. Закройщица Марина, которая работала со мной с первого дня и которую Артур всегда недолюбливал за прямолинейность. Поставщик тканей из Италии, синьор Бруни, который ценил слово чести выше контрактов. Фотограф Алекс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.